

КИР БУЛЫЧЕВ

Последняя война

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Иллюстрация на обложке *Н. Портяной*

Булычев, Кир.
Б90 Последняя война / Кир Булычев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-242598-1

Кир Булычев — автор легендарной Алисы Селезневой. По духу близок к братьям Стругацким.

Экипаж корабля «Сегежа» и доктор Павлыш прибывают на планету Муна, уничтоженной ядерным взрывом. С помощью инопланетного прибора они воскрешают погибших из клеток, очищают атмосферу, строят новую жизнь. Мертвые буквально встают из пепла.

Но в подземных бункерах выжили зачинщики войны. Они готовы взорвать планету во второй раз, лишь бы удержать власть. Может ли команда спасательной экспедиции остановить безумцев? Станет ли эта война действительно последней?

Книга о втором шансе цивилизации и ответственности за жизнь планеты.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242598-1

© Булычев К., наследник, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

ГЛАВА 1

С опозданием на год

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К¹ «СЕГЕЖА»,
ПОРТ ПРИПИСКИ — ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089²

Капитан корабля — Загребин Геннадий Сергеевич.
Старший штурман (старпом) — Баков Алексей Иванович.
Старший механик — Лещук Александр Александрович.
Второй штурман — Бауэр Глеб Андреевич.
Второй механик — Антипин Иван Филиппович.
Третий штурман — Кудараускас Зенонас.
Третий механик — Ткаченко Кира Сергеевна.
Врач — Павлыш Владислав Владимирович.
Радист — Цыганков Юрий Петрович³.
Повар — Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты — Райков Христо, Панова Снежина⁴.
Пассажиры — корона Аро, корона Вас.

2

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО
ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ
ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ

---

¹ К/к — космический корабль.

² Г/п 304089 — галактические позывные к/к «Сегежа».

³ Более известен по прозвищу Малыш.

⁴ Стажеры Софийского института космических исследований.

ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера — Снежина и Христо — заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, — подумал Малыш. — Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она обращивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерялось на сгибах — кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета...

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной — и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, прилепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из своего кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежине об аместидах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

— Послушай, Слава, — сказал Малыш. — На Титан не идем.

— Что случилось? — спросил доктор.

— Срочная с Земли, — сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

— Стой. — Слава преградил путь рулоном бумаги. — Не веди себя как женщина.

— А как? — спросил Малыш.

— Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

— Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на randevу с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

— Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежине.

«Ну вот, — подумал Малыш, оставшись в одиночестве. — Почему это не я скажу Снежине?»

— Как дети малые, — пробурчал он сам себе, открывая дверь в рубку. — Скажу, не скажу...

— Ты кому? — спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

— Себе.

— Что за депеша?

— Мастеру, — ответил Малыш строго.

— А почему не вовремя? — спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал логию сектора. — Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением — Христо невелик ростом, а Снежина значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

— Геннадий Сергеевич, — сказал Малыш, — вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежину и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

— Что там? — шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

— Старшего помощника прошу подняться на мостик, — сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым — обманчиво добрым — голосом:

— Команда уже оповещена?

— Я сюда прямо из рубки, — ответил Малыш. — Разве не понимаю?

— Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

— Учись, — сказал капитан Малышу. — Алексей Иванович, прочтите, — продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

— На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

— Шутишь, дуся, — сказал Глеб.

— Глебушка, — позвал капитан. — Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас — поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

— В первом же порту расчет, — говорила она, глядя в белую стену буфетной. — В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежина заглянула в буфетную, хотела напиться, увидела, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

— Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

— Никто, — сказала тетя Миля. — Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежина поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на

вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

— Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

— Я их ждала, — начала она. — Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине... В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела — каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

— А вы их разве на Земле не видали? — удивилась Снежина.

— Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А этих я как увидела — каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет...

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола — даже суставы побелели.

Снежина обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

— Ты иди, — произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. — Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежина вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

— Это очень крупные ученые, — сказала она.

— Я знаю, — согласилась тетя Миля. — Во мне животный атавизм пробудился.

— Вы к ним обязательно привыкнете, — утешила ее Снежина. — Можно еще один пирожок?

— Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

— Извините, — сказал он. — Снежина за схемой пошла, а я жду. Извините. — У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. — Извините, — повторил он еще раз.

— Мы пошли. — Снежина отломилла практиканту половинку пирожка. — Все будет хорошо.

В коридоре Снежина вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать гроыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежина подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежина предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежина поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежина на-

столько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, — подумала она. — И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежины на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

— Идешь обедать, Снежка? — спросила она.

— Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

— Так, — сказала Кирочка. — А я одна боюсь в уют-компанию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая...» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

— Чепуха, — сказала Снежина, закалывая волосы на затылке. — Он тебя очень уважает.

— Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

— Тетя Миля кончила расстраиваться?

— А что?

— Испугалась корон.

— По-моему, ничего особенного.

— Ну а как теперь? — Снежина обернулась к Кирочке.

— Я же говорю: ты как ни причешешься...

— А мне они сначала тоже страшными показались, — призналась Снежина. — Мир полон неожиданностей.

— Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

— Жуткое зрелище, — сказал он. — Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

— С вашего разрешения, — кивнул Павлыш старшему штурману.

— Пожалуйста, — ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плавания вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компания.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежина прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

— А где тетя Миля? — спросил Малыш.

— Эмилия Кареновна, — позвал Баков. — Мы вас ждем.

— И праздничный торт тоже, — вставил Малыш.

— Эмилия Кареновна не придет, — быстро сказала Снежина. — Она себя плохо чувствует.

— Как так? — Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел — румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

— Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

— Ничего особенного. — сказала Снежина. — Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, — подумала Снежина. — Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном конце место капитана, на другом — старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери — картины. Одна — чайный клипер, срывающий в стремительном полете верхушки волн, другая — лесное озеро...»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

— Добрый вечер, — сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

— Разрешите представить, — произнес он, — наших гостей. С сегодняшнего дня — членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные, чуть шевелились. Гостям было тесно и неудобно. Они волновались.

— Добрый вечер, — сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого

не следует делать — церемония затянулась, каждому приходилось огибать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежины, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежина посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

— Корона Аро, — сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

— К сожалению, — добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, — наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего...

Снежине показалось, что со стороны буфетной доносится вздох облегчения.

Корона Аро — он был в более темном комбинезоне — потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел — ждал, когда усядутся гости.

— Рискните, — сказал Павлыш.

— Разумеется. — Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

— Очень удобно, — сказал он.

— Интересно, сколько они весят? — спросила шепотом Снежина у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежины.

За Павлыша ответил Аро:

— Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежину укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежина не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

— А я — сорок шесть, — сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

— Спасибо, — ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

— Суп подавать?

— Пожалуйста, — кивнул Баков.

— И не забудь наших гостей, — сказал Загребин. — Ты знаешь?

— Да, я помню, — ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

— Передайте мне, пожалуйста, хлеб, — попросил Кирочку Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

— Слава, — спросила Кирочка Павлыша, — чем можно объяснить — такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

— Может, у них есть полезные функции, — ответил рассеянно Павлыш. — Надо будет поинтересоваться.